

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Базанов Варфоломей Александрович

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА РУССКОЯЗЫЧНОГО
НАСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ БАВАРИИ)**

Специальность 22.00.04 - Социальная структура, социальные институты и
процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Санкт-Петербург
2017

Работа выполнена на кафедре философии и социологии
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского»

Научный руководитель: **Попков Вячеслав Дмитриевич**
доктор социологических наук, профессор,
директор АНО «Институт социальных
исследований и аналитики»

Официальные оппоненты **Леденёва Виктория Юрьевна**
доктор социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой конфликтологии и
миграционной безопасности
института права и национальной
безопасности ФГБОУ ВО Российская
академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
(РАНХиГС).
Лисицын Павел Петрович
кандидат социологических наук, доцент
кафедры сравнительной социологии
ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский
государственный университет.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Ордена Дружбы народов
Институт этнологии и
антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Защита состоится _____ 2018 г. в _____ на заседании Совета
Д.212.232.13 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном
государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет» по адресу: 191124, Санкт-
Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд, факультет социологии, ауд.324.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: Университетская
наб., д. 7/9 и на сайте: www.spbu.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук

Н.В. Соколов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Разнообразие и сложность миграционных процессов, их зависимость от множества факторов и обстоятельств требуют продуманной комплексной политики стран, участвующих в миграционном обмене. Российские власти пытаются использовать мигрантов, приезжающих в страну, для улучшения демографической ситуации, а покидающих страну, как ресурс влияния и средство улучшения политического имиджа¹. Между тем, признается, что «для реализации положительного потенциала, заложенного в миграционных процессах, вся система управления ими в Российской Федерации должна быть модернизирована»². На данный момент теоретически слабо проработаны и не прояснены связи культурно-исторических форм образования и структуры групп мигрантов, с одной стороны, и процессов поддержания культурных установок и культурных особенностей данных групп, с другой. Соответственно, данная работа направлена и на дальнейшее возмещение пробела в разграничении групп мигрантов из России (СССР). Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется, таким образом, отсутствием знания о структуре русскоязычного пространства и особенностей его групп.

Данный аспект исследования актуален и с точки зрения страны пребывания мигрантов. Именно на Германию приходится основной поток новых иммигрантов из России в страны дальнего зарубежья. «За все время с момента всплеска эмиграции, начавшегося в 1987 году, более половины уехавших отправились в Германию...»³. Проблема интеграции миграции вызывает в Германии острые дискуссии, ставший особенно острыми после выхода в свет книги о проблеме миграции Т. Сарацина⁴ и заявления Федерального канцлера Ангелы Меркель о провале политики мультикультурализма⁵. Германское правительство проводит работу по интеграции представителей этнических групп в немецкое общество. В Германии существует довольно значительная группа людей, которых объединяет общая страна исхода и общего языка (русского). Между тем, не имеется знания об особенностях построения коммуникации представителей разных групп внутри русскоязычного пространства. Культурные системы предполагают несовпадающие, но пересекающиеся образцы поведения представителей этих групп, которые еще не изучены. Проблема осложняется тем, что группы называют себя русскими и воспринимаются коренным

¹ Скворцов Н.Г., Верещагина А.В., Самыгин С.И. «Русский мир» в социологическом дискурсе о цивилизационной безопасности и национальной идентичности в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6-7. С. 106

² Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года, одобренная Президентом РФ 24 сентября 2012 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента РФ <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 24.11.14)

³ Зайончковская Ж. Четвертая волна: Миграционный обмен России со странами дальнего зарубежья. Несостоявшийся «девятый вал». // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. / Под ред. Глезер О., Полян П., М.: ОГИ., 2005. С. 548

⁴ Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München: Dt. Verl.-Anst., 2010

⁵ Merkel erklärt Multikulti für gescheitert 16.10.2010 [Elektronische resource] // DER SPIEGEL [Web Site]. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,723532,00.html> (дата обращения: 20.08.2011)

населением как русские, однако речь идет о разных культурах⁶, особенности которых, проявляются в коммуникации. Таким образом, **проблемная ситуация** определяется незнанием структуры пространства русскоязычных переселенцев и влияющих на интеграцию особенностей повседневной коммуникации и поведенческих образцов, принятых в разных группах русскоязычных мигрантов, считающих себя русскими и воспринимающимися коренным населением как русские мигранты. Организационные (консолидирующие, интеграционные) и финансовые ресурсы затрачиваемые на работу с указанными переселенцами не будут эффективно использованы, если не принимать во внимание существование отличий между группами русскоязычных мигрантов, которые выявляются, в том числе, в особенностях коммуникации и построении коммуникативных пространств. Проблема интеграции и групп мигрантов обозначена, как правительством страны пребывания, так и самими мигрантами.

Объектом проводимого исследования являются потомки мигрантов из Российской империи, прибывших в Германию после 1917 г.; мигранты и их потомки из СССР, оказавшиеся на территории Германии после второй Мировой войны; а также из стран, образовавшихся после распада СССР, прибывших в Германию с 90-х годов XX в. и проживающие в Федеральной земле Германии Бавария в городах Аугсбург и Мюнхен. Таким образом, объект исследования условно разбит на две группы. Первую группу русскоязычных мигрантов, обозначаемую в работе как «русское зарубежье», образуют переселенцы, покинувшие страну в период с 1917 по 1945 гг., а также потомки данных мигрантов, родившиеся уже в Германии. Мигранты позднейшего периода, прибывшие в Германию после 1991 г. и объединенные условно во вторую группу, в данном исследовании обозначаются как «новая миграция» или «новая волна».

Предметом исследования являются коммуникативные пространства групп русскоязычного населения Германии. Коммуникативные пространства, таким образом, понимаются как «конфигурации социальных взаимодействий, артефактов, символических систем»⁷, которые формируются и ограничиваются повседневными культурными практиками, пересекая при этом современные границы государств⁸.

Основными элементами выделенных коммуникативных пространств в данной работе являются:

- Языковые навыки, предполагающие особенности употребления «своего» и «чужого» языка как средства коммуникации в различных ситуациях повседневной жизни;

⁶ Попков В.Д. Русскоязычные пространства за рубежом: специфика формирования и основные особенности // Вестник Института Кеннана в России №19, 2011

⁷ Pries, L. The approach of transnational social spaces // L. Pries (Ed.) New Transnational Social Spaces : International Migration and Transnational Companies in the Early 21st Century. London : Routledge, 2001. – P. 18, Островская Е.А. Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. Том XIV, № 2, 2013. С.21

⁸ Faist Thomas Grenzen überschreiten. Das Konzept Transstaatliche Räume und seine Anwendungen. // Transstaatliche Räume. Politik, Wirtschaft und Kultur in und zwischen Deutschland und Türkei. von Thomas Faist (Hg.), Bielefeld, 2000. S. 9-56

- Восприятие страны исхода и страны поселения и поведение по отношению к институтам государственной власти;
- Контакты (особенности построения контактов в повседневном общении);
- Поведение в семье, предполагающее особенности организации внутрисемейных отношений, семейного уклада и семейных праздников;
- Внутренние структуры исследуемых групп мигрантов.

Целью исследования является выявление особенностей построения повседневной коммуникации и структур вышеуказанных двух групп мигрантов. Относительная малочисленность, размытость в географическом и временном планах миграции между вышеуказанными периодами не позволяют объединить переселенцев 1946-1990 гг. в единую группу и потому особенности построения их коммуникации не исследовались.

В диссертационном исследовании были поставлены следующие **задачи**:

- Обозначить отличия повседневного поведения представителей «русского зарубежья» и представителей пространства «новой волны»;
- Проанализировать историко-социальные особенности формирования навыков коммуникации исследуемых групп мигрантов;
- Показать особенности организации семейных и государственных праздников представителей исследуемых групп;
- Показать особенности сохранения и передачи языковых навыков у различных групп мигрантов;
- Показать влияние существующих организаций мигрантов в стране приема на формирование коммуникативного поведения;
- Выявить влияние особенностей коммуникации мигрантов в рамках существующих организаций мигрантов «русского зарубежья» в сравнении с организациями мигрантов «новой волны».

Гипотезы

- У представителей различных групп мигрантов отсутствует общая оценка исторических и культурных событий страны исхода, что влияет на коммуникативное поведение представителей исследуемых групп.
- У современных русскоязычных мигрантов отсутствует стремление сохранения языковых особенностей, в то время как у мигрантов «русского зарубежья» присутствует стремление к консервации языковых навыков.
- Мигранты «новой волны» воспринимают институт государства страны пребывания как недружественный, в то время как для мигрантов «русского зарубежья» характерно нейтральное отношение.

- Основной организацией, формирующей поведение мигрантов «русского зарубежья» является Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ)
- Чем теснее контакты мигрантов «новой волны» с представителями «русского зарубежья», тем успешнее они интегрируются в принимающее общество;
- Мигранты, ставшие членами семей коренного населения, выступают как посредники-«эксперты» для других групп мигрантов в диалоге представителей культур страны пребывания и страны исхода.
- Стратегия аккультурации зависит от возраста, в котором произошло переселение.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование миграционных исходов из России привлекало внимание ученых различных дисциплин – историков, социологов, этнологов, политологов. При этом в исследовании можно выделить разные плоскости рассмотрения. Проблема миграции была рассмотрена с исторической перспективы, с позиции теории диаспоры, транснационализма, аккультурации.

Миграционные исходы. Для понимания основ разделения коммуникативных пространств русскоязычных мигрантов было необходимо рассмотреть социально-исторические факторы формирования эмигрантских сообществ. Особое значение с точки зрения рассмотрения с позиции истории исходов для целей данного диссертационного исследования имеют труды Ахиезера А.С., Пушкаревой Н.Л., Поляна П.М., Соколова М.Ю., Вишневого А.Г. и Зайончковской Ж.А.⁹, предложивших периодизацию исходов из Российской империи – Советского Союза – Российской Федерации в двадцатом, двадцать первом веках. Отмечу, что в советский период существовало относительно небольшое количество отечественных исследований миграции. Описания исхода мигрантов после событий 1917 года и гражданской войны получали соответствующую идеологическую окраску. Еще в меньшей степени освещались причины и история миграции в период Второй мировой волны. С конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века в России начинается новый этап изучения эмиграции, связанный с изменением внутривнутриполитической ситуации. Значительное количество работ, изданных с начала 90-х годов начинают анализировать и «белую» эмиграцию. Более того, в Москве возник научно-исследовательский центр по изучению феномена «русского зарубежья» - «Дом русского зарубежья имени Александра

⁹ Ахиезер А. Эмиграция как индикатор состояния российского общества. 2004 [Электронный ресурс] // «Русский Архипелаг» сетевой проект «Русского мира» [Интернет-портал]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/hrono_retro/indication/ (дата обращения: 10.03.2011). Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом. [Электронный ресурс] // Educational Orthodox Society «Russia in colors». Россия в красках. [Интернет-портал]. URL: <http://ricolor.org/history/re/24/> (дата обращения: 18.10.2010). Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию 2005 [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [Интернет-портал]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php> (дата обращения: 20.03.2011). Соколов М. Четыре волны. 1999 [Электронный ресурс] // «Русский Архипелаг» сетевой проект «Русского мира» [Интернет-портал]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/hrono_retro/4wave/ (дата обращения: 10.03.2011). Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции: Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12

Солженицына»¹⁰. Среди авторов, описывающих мигрантов периода Гражданской войны и Второй мировой войны можно выделить Бочарова С.З.¹¹, Катцера Н.¹², Назарова М.В.¹³, Поляна П.М.¹⁴, Земскова В.Н.¹⁵, Попкова В.Д.¹⁶, Робинсона П.¹⁷, Судоплатова П.А.¹⁸, Хайтмана С.¹⁹, Фолькмана Х.-Э.²⁰. Важным является также введение в научный оборот речей, воспоминаний, попыток анализа, осуществленных за рубежом – Бунина И.С.²¹, Деникина А.И.²², Казанцева А.С.²³, Ковалевского П.²⁴, – а так же современной мемуарной литературы²⁵. Исторические и политические особенности более поздних миграционных исходов из России освещаются в трудах Зайончковской Ж. А.²⁶, Попкова В.Д.²⁷, Судоплатова П.А.²⁸ и др. Что касается группы «новых мигрантов», то в случае Германии важно было рассмотреть группы «этнически привилегированных мигрантов». Так, одной из наиболее крупных групп переселенцев в Федеративной Республике Германии стали так называемые «русские немцы», под которыми понимаются мигранты из СССР и, позднее, стран бывшего Советского Союза, въехавшие в Германию по программе переселения этнических немцев. Проблемы миграции и интеграции данной группы населения

¹⁰ Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына» [Интернет-портал]. URL: <http://www.bfz.ru/> (дата обращения: 21.04.2015)

¹¹ Бочарова С. З. Российское зарубежье 1920-1930-х гг. как феномен Отечественной истории. М., 2011

¹² Katzer, Nikolaus Die weiße Bewegung in Russland. Köln, 1999

¹³ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т. 1, Москва: «Родник», 1994; Поремский, Владимир 1954: Политическая миссия русской эмиграции. Посев, Франкфурт-на-Майне, 1994

¹⁴ Polian P. Sowjetische Staatsangehörige im «Dritten Reich» während des Zweiten Weltkrieges. Gruppen und Zahlen // Wir sind die Herren dieses Landes. Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion / Hrsg. Quinkert. Hamburg. 2002. S. 134–153. Полян П.М. Советские граждане в Рейхе: сколько их было? 2002 [Электронный ресурс] // Федеральное образовательное портал - Экономика. Социология. Менеджмент [Интернет-портал]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/273/414/1216/009.POLIAN.pdf> (дата обращения: 20.03.2011)

¹⁵ Земсков В. Н. Репатриация перемещённых советских граждан [Электронный ресурс] // Журнал «Скепсис» [Интернет-портал]. URL: http://scepsis.ru/library/id_1234.html (дата обращения: 21.04.2012)

¹⁶ Попков В.Д. Эмиграция из Российской империи Советского Союза в Европу: сравнительный анализ. 2007 [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии [Интернет-портал]. URL: <http://www.jourssa.ru/2007/3/7aPopkov.pdf> (дата обращения: 20.03.2011), Попков В.Д. Основы «русского мира»: векторы формирования единого пространства соотечественников. 2006 [Электронный ресурс] // Фонд «Русский мир» [Официальный сайт]. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0002.html?print=true> (дата обращения: 20.03.2011)

¹⁷ Robinson, Paul The White Russian Army in exile. Oxford, 2010

¹⁸ Судоплатов П.А. Новые тенденции миграции и миграционной политики в странах Европейского союза // Народонаселение. 2006. №4.

¹⁹ Heitman S. The Third Soviet Emigration: Jewish, German and Armenian Emigration from the USSR since World War II. / Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 21– 1987. Köln/ 1987. [Electronic resource] // The York University Libraries [Official website]. URL: <http://pi.library.yorku.ca/ojs/index.php/refuge/article/view/21717/20387> (дата обращения: 13.10.2010)

²⁰ Volkmann Hans-Erich. Die russische Emigration in Deutschland 1919-1929. Holzner Verlag, Würzburg, 1966

²¹ Бунин И.А. Миссия Русской эмиграции. (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года) [Электронный ресурс] // Литературный сайт Бунин Иван Алексеевич [Официальный сайт]. URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/missiya-emigracii.htm> (24.11.10)

²² Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 кн. Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М., 2005

²³ Казанцев А.С. Третья сила. История одной попытки. Франкфурт-на-Майне, 1952

²⁴ Ковалевский П. Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке. Вып. 1., Мюнхен: Издательство центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960

²⁵ Рар Г. И будет наше поколение давать истории отчет: Воспоминания. М., Русский путь, 2011

²⁶ Зайончковская Ж. Четвертая волна: Миграционный обмен России со странами дальнего зарубежья. Несостоявшийся «девятый вал». // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. / Под ред. Глезер О., Полян П. Москва.: ОГИ. 2005

²⁷ Попков В.Д. Эмиграция из Российской империи Советского Союза в Европу: сравнительный анализ. 2007 [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии [Интернет-портал]. URL: <http://www.jourssa.ru/2007/3/7aPopkov.pdf> (дата обращения: 20.03.2011), Попков В.Д. Основы «русского мира»: векторы формирования единого пространства соотечественников. 2006 [Электронный ресурс] // Фонд «Русский мир» [Официальный сайт]. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0002.html?print=true> (дата обращения: 20.03.2011)

²⁸ Судоплатов П.А. Новые тенденции миграции и миграционной политики в странах Европейского союза // Народонаселение. 2006. №4.

анализировались в трудах Б. Диц, В. Фогелгезанга, Дариевой Т., Кадацкой Н., Савоскул М.С., Ингенхорста Х.²⁹ Отдельную главу в энциклопедии миграции Баде К. и Ольтмер Й. посвятили «русским немцам»³⁰. Еще одной заметной группой этнических мигрантов с пространства бывшего Советского Союза в Германии являются так называемые «русские евреи». Анализ данной группы представлен в трудах Беккер Ф., Домерника Д., Таухерт С., Харриса П., Хесса Р., Шефер Ю., Шёпс Ю.Х.³¹. Попытки рассмотреть коммуникативные особенности поведения мигрантов «новой волны» предпринимались Фогель К., Тернез А.³² Однако исследовались, в основном, психологические факторы поведения, уделяя внимание психосоциальным трудностям. Главными маркерами в упомянутых трудах являлись проблема языка, идентичность, гендерные роли, трудности в процессе интеграции, психологические последствия проблемы интеграции, конфликты в семье, районе и типы аккультурации. Проблема социально-исторического описания и анализа миграционных исходов была, таким образом, исследована многими авторами. При этом следует отметить, что аспекты взаимодействия различных групп мигрантов практически не освещались; определенным исключением можно считать статьи Попкова В.Д., где автор указывает на особенности коммуникации и становления контактов различных групп мигрантов³³, однако, указав на данные особенности, автор не ставил целью дать их описание и анализ. При этом важно отметить и то, что проблема становления коммуникативных пространств групп мигрантов не являлась предметом изучения исследователей. Исходя из представленного обзора, можно видеть, что при всем обилии

²⁹ Dietz B. Zwischen Anpassung und Autonomie: Russlanddeutsche in der vormaligen Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin, Duncker & Humblot, 1995; Dietz B., Hilkes P. Integriert oder isoliert? Zur Situation russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. München, 1994; Vogelgesang, Waldemar. Jugendliche Aussiedler. Zwischen Entwurzelung, Ausgrenzung und Integration. München 2008; Vogelgesang, Waldemar. Religiöse Segregation. Die unheilige Allianz zwischen puritanischer Orthodoxie, kulturellem Traditionalismus und (neuen) Formen sozialer Schließung – dargestellt am Beispiel einer Baptistengemeinde zugewanderter Spätaussiedler. 9.12.2011 [Elektronische Ressource] // Homepage von Prof. Dr. Waldemar Vogelgesang [Website]. URL: <http://www.waldemar-vogelgesang.de/aussiedler.pdf> (дата обращения: 21.12.2011); Darieva, T. Das fremde Eigene. Zur Integrationserfahrung post-sowjetischer Zuwanderer in Berlin. // Remmert, Werner (Hg.) Kollektive Identitäten und kulturelle Innovationen. Ethnologische, soziologische und historische Studien. Leipziger Universitätsverlag. 2002; Кадацкая Н. Немцы в миграционном обмене между Казахстаном и Германией: тенденции и перспективы. University of Toyama 2008 [Электронный ресурс] // Centre for Far Eastern Studies University of Toyama [Website]. URL: http://www3.u-toyama.ac.jp/cfes/horie/CAMMIC-E/Publications_files/CAMMIC-WP5.pdf (дата обращения: 21.11.2010); Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг - Эрланген) [Электронный ресурс] // Демоскоп-Weekly, № 24344, 170.04.2006 [Интернет-портал]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> (дата обращения: 20.03.2011); Ingenhorst, Heinz Die Rußlanddeutschen. Aussiedler zwischen Tradition und Moderne. Frankfurt [u.a.], Campus-Verl., 1997

³⁰ Bade J. Klaus, Oltmer J. Deutschland // Bade Klaus J., Emmer Pieter C., Lucassen L., Oltmer J. (Hgg.): Enzyklopädie Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Verlag F. Schöningh 2007

³¹ Becker, Franziska. Ankommen in Deutschland. Einwanderungspolitik als biographische Erfahrung im Migrationsprozeß russischer Juden. Berlin, Reimer, 2001; Doornik, Jeroen Going West: Soviet Jewish Immigrants in Berlin Since 1990 (Research in Ethnic Relations Series). Aldershot: Avebury, 1997; Tauchert, Stephanie Jüdische Identitäten in Deutschland. Berlin, Metropol-Verl., 2007; Harris Paul A. Osteuropäische Juden in Deutschland seit 1990. // Bade Klaus J., Emmer Pieter C., Lucassen L., Oltmer J. (Hrsg.): Enzyklopädie Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Verlag Ferdinand Schöningh (Paderborn) 2007; Hess, Rainer. Jüdische Existenz in Deutschland heute. Berlin, Logos-Verl., 2000; Schäfer, Judith. Juden aus der Sowjetunion / Russland in Deutschland von 1989 bis 2000. Regensburg, Smolorz / Herget, 2006; Schoeps, Julius Hans, Jasper, Willi, Vogt, Bernhard. Ein neues Judentum in Deutschland? Fremd- und Eigenbilder der russisch-jüdischen Einwanderer. Potsdam, Verl. für Berlin-Brandenburg, 1999; Schoeps, Julius Hans. Russische Juden und transnationale Diaspora. Berlin 2005

³² Vogel Katrin. Psychosoziale Schwierigkeiten im Integrationsprozess von Rußlanddeutschen Spätaussiedlern. Qualitative Fallanalysen. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2008; Ternès Anabel. Fremd im eigenen Land: Aussiedler in Deutschland, München; AVM, 2011

³³ Попков В.Д. Эмиграция из Российской империи Советского Союза в Европу: сравнительный анализ. [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии [Интернет-портал]. URL: <http://www.jourssa.ru/2007/3/7aPopkov.pdf> (дата обращения: 20.03.2011)

исследований по проблеме миграции из России в Германию, её последствий, проблема соотношения коммуникативных пространств различных групп мигрантов с территории стран бывшего СССР осталась практически незатронутой. В этой связи, отдавая должное проведенным исследованиям, тем не менее, стоит отметить необходимость эмпирического анализа особенностей построения коммуникации между группами мигрантов.

Диаспора. Еще одним важным подходом, который используется в работе, является теория диаспоры. Ввиду поставленных задач было необходимо использование работ Милитарева А., Попкова В.Д., Тишкова В.А., Тощенко Ж.Т., Чаптыковой Т.И., Ашкинази А., Бра А., Дабагга М. и Плата К, Клиффорда Дж., Коэна Р., Моосмюллера А., Сафрана В., Скиннера Э.П., Тололяна К., Хеттлаге Р. и др.³⁴ При этом основной интерес в данных работах для нас представляло использование описательных характеристик диаспоры, критериев диаспоральности и типологии диаспор. Это представляется нам важным потому, что старые эмигранты рассматривались как диаспорные группы.

Транснационализм. Заявленную тему также важно было рассмотреть с позиции теории транснационализма и трансмиграции, поскольку новые русскоязычные мигранты имеет смысл рассматривать в рамках данного подхода, поскольку они не удовлетворяют «требованиям» классических диаспор. Глик-Шиллер Н.³⁵ и ее соавторы определяют трансмигрантов как людей, жизнь которых зависит от контактов, как с представителями страны пребывания, так и с представителями страны исхода. Становление транснационального коммуникационного пространства, его характерные особенности, границы и структуру подробно рассматривают Прис Л., Бра А., Гатцигани И., Фаист Т., Коткин Д., Крутий И.А., Зангиева И.К.³⁶

³⁴Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры, 1999, № 1; Попков В.Д. Феномен этнических диаспор М.: ИС РАН, 2003; Тишков В. Исторический феномен диаспоры. // Этнографическое обозрение №2. 2000; Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12; Ashkenasi, Abraham. Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora. In: Dabag, Mihran & Kristin Platt (Hrsg.): Identität in der Fremde. Bochum. 1993; Brah, Avtar. Cartographies of Diaspora, Contesting Identities, London & New York. 1996; Dabag M. Plat K. Diasporas und kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora. In: Dabag, Mihran & Kristin Platt (Hrsg.): Identität in der Fremde. Bochum. 1993; Clifford J. Diasporas. In: Cultural Anthropology 9(3): American Anthropological Association. 1994; Cohen, Robin. Global Diasporas. An Introduction. London. 1997; Moosmüller, Alois. Einleitung: Diaspora - zwischen Reproduktion von «Heimat» Assimilation und transnationaler Identität. // Moosmüller A.(Hrsg.): Die kulturelle Gestaltung von Lebens- und Arbeitswelten in der Fremde. Waxmann, München. 2002; Safran, William. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. Diaspora 1, no. 1 (Spring 1991). 1991; Skinner E. The Dialectic between Diaspora and Homelands 1982 // Global Dimensions of the African Diaspora. Joseph E. Harris. Washington, DC: Howard University Press. 1982; Tölölyan, Khachig. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment, in: Diaspora 5 (1). 1996; Hettlage, Robert. Diaspora: Umriss einer soziologischen Theorie. In: Mihran Dabag / Kristin Platt (Hg.), Identität in der Fremde. Bochum. 1993; Арутюнов С., Козлов С. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс 23.11.2005 [Электронный ресурс] // Независимая газета [Интернет-портал]. URL: http://www.ng.ru/science/200513/14_diaspora.html (дата обращения: 29.06.2009); Кочетков В. В., Калинин В. Ю. Диаспора: происхождение термина и выработка определения// «Сорокинские чтения: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации». Т.2. М.: КДУ, 2007

³⁵ Glick-Schiller, Nina; Basch, Linda; Szanton-Blanc, Cristina (Ed.) Toward a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. Vol. 645, Annals of the New York Academy of Sciences. New York. 1992; Glick-Schiller, Nina; Basch, Linda; Szanton-Blanc, Cristina. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. In: Anthropological Quarterly 68 (1), 1995

³⁶Pries, Ludger. Neue Migration im transnationalen Raum. In: Pries (Hg.): Transnationale Migration. Soziale Welt, Sonderband 12. Baden-Baden. 1997; Brah, Avtar. Cartographies of Diaspora, Contesting Identities, London & New York. 1996; Faist Thomas. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford: Oxford University Press. 2000; Gatzigianni Ioanna. Das Phänomen des Transnationalismus: theoretische Diskussion und empirische Beispiele. Berlin: Grin Verlag, 2007; Kotkin, Joel. Stämme der Macht. Der Erfolg weltweiter Clans in der in Wirtschaft und Politik. Rowohlt Reinbek. 1996;

Кроме того, для нашей работы представляется важным, что мигранты данного типа оформляют с помощью своих повседневных практик пространство, существующие одновременно в нескольких государствах³⁷. В этой связи, по мнению разработчиков данной концепции, феномен транснационализма необходимо исследовать вне жесткой связи с понятием этничности, что подкрепляет взятый в работе принцип выделения группы «новой волны» по критерию культурной идентичности, а не этничности. Понятие пространства в работе разрабатывается с учетом теории социального пространства П. Бурдьё³⁸, при этом данная теория связана и другими его теориями.

Теория коммуникации. Ввиду того, что ключевые понятия данной работы – коммуникация и коммуникативное поведение (понимаемое как особенности построения коммуникации представителей определенного культурного пространства в ситуациях повседневной жизни), – рассматриваются и анализируются с точки зрения культурных особенностей коммуникации, необходимо более детальное рассмотрение указанных понятий. Сам термин «межкультурная коммуникация» используется в науке с 1954 года, когда Холл Э. Т. и Трэгер Г. Л. заявили о данном типе коммуникации, как о цели своих академических занятий и тренингов. Первой публикацией в данной области и отправной точкой развития «межкультурной коммуникации» в качестве самостоятельной дисциплины традиционно называют работу американского антрополога Эдварда Т. Холла «Немой язык»³⁹, где данный термин и соответствующая область исследования представлены как категории, поддающиеся научному анализу. Предложенное Э. Т. Холлом понимание коммуникации как культуры и культуры как коммуникации предполагает и использование достижений теории коммуникации. Для данного исследования были важны работы Берло Д.⁴⁰, Вацлавика П.⁴¹, Гадиканста В.⁴², Кронена В.⁴³, Крайга Р.⁴⁴, Лидс-Хурвитц В.⁴⁵, Холла Э. Т.⁴⁶, Пирса В. и Пирса К.⁴⁷ и др. Если говорить о современном этапе развития теории коммуникации, то можно наблюдать расширение принципов системного подхода к анализу коммуникации. Под коммуникативным поведением в данной работе понимаются

Крутий И.А., Зангиева И.К. Транснациональное взаимодействие и качество человеческого капитала // Вестник общественного мнения №1 (93), январь-февраль 2008

³⁷ Faist, Thomas Grenzen überschreiten. Das Konzept Transstaatliche Räume und seine Anwendungen. // Transstaatliche Räume. Politik, Wirtschaft und Kultur in und zwischen Deutschland und Türkei. von Thomas Faist (Hg.), Bielefeld, 2000. S. 9-56

³⁸ Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. / – М., 1993, Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. — Том I, 1998. — № 2

³⁹ Hall, Edward T. The Silent Language. NY., 1959

⁴⁰ Berlo David K. The Process of Communication. New York: Holt, Rinehart, and Winston. 1960

⁴¹ Watzlawick, P., Beavin, J., & Jackson, D. Pragmatics of Human Communication. New York: W. W. Norton, 1967

⁴² Gudykunst, William B. Communicating with strangers. An approach to intercultural communication. New York: Random House. 1992

⁴³ Cronen V. Practical theory and the task ahead for social approaches to communication. In W. Leeds-Hurwitz (Ed.) Social approaches to communication Lawrence Earlbaum and Associates, 1995. Pearce, B.W, Cronen, V. Communication, action, and meaning: The creation of social realities. New York: Praeger. 1980

⁴⁴ Craig, R. T. (1999). Communication theory as a field. [Electronic resource] // University of Colorado at Boulder [Official website]. URL: [http://www.colorado.edu/communication/meta-discourses/Bibliography/Craig%20\(1999\)/CTasaField.html](http://www.colorado.edu/communication/meta-discourses/Bibliography/Craig%20(1999)/CTasaField.html) (дата обращения: 18.10.10)

⁴⁵ Leeds-Hurwitz W. Social Approaches to Communication (Guilford Communication Series), New York, 1995

⁴⁶ Hall Edward T. The Silent Language. New York, 1959. Hall Edward T. The Hidden Dimension. Garden City, New York 1966. Hall Edward T. Beyond Culture. Garden City, New York 1976

⁴⁷ Pearce, W. B. Communication and the Human Condition, Southern Illinois Univ. Press, 1987

особенности построения коммуникации представителей определенного культурного пространства в ситуациях повседневной жизни.

Понятие культуры. Аккультурация. Автор исходит при этом из того, что в основе поведения изучаемых групп лежат общие представления о самом «сообществе», о сходном менталитете, единых моральных и ценностных императивах, миф об общей стране исхода, а также отношение к русскому языку и культуре. Культура, в данном исследовании понимается как «универсальная и в то же время очень типичная система ориентаций для общества, организации и группы. Эта система ориентаций образуется из специфических символов и передается в обществе из поколения в поколение. Она оказывает влияние на образ мыслей, ценностные установки и действия членов этого общества и тем самым определяет их принадлежность к данному обществу. Культура, как система ориентаций, структурирует поле деятельности индивидов, ощущающих свою принадлежность к данному обществу, и создает предпосылки для развития самостоятельных форм взаимодействия с окружающей средой»⁴⁸. Территориальные, политические пространства не всегда совпадают с пространствами культурными. Культурное пространство это то, «что культура, возникая и развиваясь, порождает и изменяет», то, что «возникнув, активно воздействует на культуру, его породившую»⁴⁹.

Важным посылом данной работы является то, что формирование групп мигрантов рассматривались не с точки зрения их этничности, а с точки зрения их культурной идентичности. Данный аспект рассмотрения особенно важен ввиду того, что этническая принадлежность является одним из определяющих факторов в переселенческой политике Германии. В данном исследовании применен конструктивистский подход к пониманию этничности. Концептуальные основы конструктивизма раскрываются в работах Андерсона Б., Барта Ф., Гурра Т., Дробижевой Л.М., Лейка Д., Тишкова В.А.⁵⁰ Исследования Ф. Барта показывают, что этническая идентичность связана, в первую очередь, с культурными границами⁵¹, и актуализация культурных прав осуществляется от лица группы, объединенной общей культурой и идентичностью⁵². Так, на основании работ Э. Т. Холла в

⁴⁸ Thomas A. Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns. // Thomas Alexander (Hg.): Kulturvergleichende Psychologie. Göttingen, Hogrefe, 1993. S. 380

⁴⁹ Большаков В.П. Провинциальность культурных пространств нынешней России / В.П.Большаков// Культура российской провинции: прошлое, настоящее, будущее. Материалы круглого стола. – СПб., 2005. С.6

⁵⁰ Anderson B. Imagined Communities: Reflection Origin and Spread of Nationalism. London, 1983; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001; Этнические группы и социальные границы / под ред. Ф.Барта. М., 2006; Gurr T.R., Harff B. Ethnic Conflicts in World Politics. Boulder, CO: Westview, 1994; Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации. 2001 [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН [Официальный сайт]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Magazines/Drobizheva_2001_n2_p167-180.pdf (дата обращения: 29.06.2009); Дробижева Л.М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации.//Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002; Lake D.A., Rothschild D. (eds.) The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion and Escalation. Princeton; NJ., 1998; Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. № 3, 1997; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003

⁵¹ Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture differences. (Ed by F. Barth). Universitetforlaget, Oslo-Bergen-Tromso. (Reprint 1982)

⁵² Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2003

данном исследовании культура понимается как явление постигаемое и оказывающее влияние на повседневное поведение, чувства, восприятия, мысли. При этом границы культуры не обязательно совпадают с границами национальных государств. Культуры могут образовывать определенные анклавы внутри иных культур⁵³. Маркерами культур является, как было отмечено Клакхоном К.⁵⁴ и Штротдбеком Ф.⁵⁵, системы ценностей. Для целей исследования важна институциональная организация встречи, разработанная в концепции трансфера культур. Важной для анализа полученных результатов явилась теория аккультурации Бери Дж. В.⁵⁶, поскольку в данной теории видны стратегии аккультурации. Под аккультурацией в данной работе понимается феномен, возникающий, «когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, следствиями которого являются изменения элементов исходной культуры одной или обеих групп»⁵⁷. Под интеграцией в данной работе понимается «принятие иммигрантами норм и ценностей включающего общества как приоритетных, а самим сообществом принятия идентичности тех иммигрантов, которые хотят сохранить ее в тех ее проявлениях, которые не затрагивают права других»⁵⁸, при этом речь идет именно о культурной идентичности.

Исходя из представленного обзора, автор делает вывод, что при всем обилии исследований по проблеме миграции из России в Германию и её последствий, проблема соотношения коммуникативных пространств различных групп мигрантов с территории стран бывшего СССР по-прежнему остается малоизученной. Отдавая должное проведенным исследованиям, тем не менее, стоит отметить, что поставленная проблема малоисследована, и надо смотреть на особенности построения коммуникации между этими группами, символы этнокультурной общности и особенности поведения и мышления. Можно согласиться с утверждением Раева М.И., что многие разработанные современными социологами понятия нуждаются в представлении в историческом контексте, поскольку «далеко не всегда позволяют выразить реальности Зарубежной России»⁵⁹.

Теоретико-методологические основы исследования.

Проект построен на сравнении двух различных групп мигрантов, проживающих в Баварии. Используется конструктивистский подход, разрабатываемый, в частности, в трудах Б. Андерсена, Ф. Барта. В основе исследования лежит также теория Э.Т. Холла, согласно которой коммуникативное поведение определяется особенностями культуры. Формирование

⁵³ Moosmüller Alois. Das Kulturkonzept der Interkulturellen Kommunikation aus ethnologischer Sicht. In: Lüsebrink, Hans-Jürgen (Hrsg.): Konzepte der Interkulturellen Kommunikation. St.Ingbert. 2004

⁵⁴ Kluckhohn, Clyde Mirror for Man, New York: Fawcett, 1944. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions // Papers peabody Mus., 1952, 47, N 1 Kroeber A.L. and Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions // Papers peabody Mus., 1952, 47, N 1, p. 181.

⁵⁵ Kluckhohn, C. K. Values and Value Orientations in the Theory of Action. In T. Parsons and E. A. Shils (Eds.), Toward a General Theory of Action. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. Kluckhohn, F. R., & Strodtbeck, F. L. Variations in value orientations. Evanston, Illinois, 1961

⁵⁶ Berry J. W. Conceptual Approaches to Acculturation. // Chan, Kevin M. u.a. (Hgg.): Acculturation. Advances in theory, Measurement and Applied Research. Washington. 2002

⁵⁷ Там же S. 18

⁵⁸ Дробужева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. С. 238

⁵⁹ Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Пер. с англ. М., 1994. С. 13

коммуникативного пространства, произрастающее при наличии фактора межкультурного взаимодействия, его стратификация и динамика развития ещё не получили однако полного освещения в отечественной культурологии.

В рамках традиции качественного социологического исследования, был выбран социально-антропологический подход, поскольку именно данный подход направлен на выявление практик, на выявление культур различных сообществ, когда анализируются совместные коллективные практики, нормы, ценности и смыслы определенной культуры. Указанный этнографический подход рассматривается в работах В.А. Ядова и В.В. Семеновой, посвященных качественной методологии⁶⁰.

Методы сбора информации. Специфика проекта (исследование дисперсно-рассеянных групп мигрантов) предполагает качественный характер сбора материала для исследования. Значимым для подготовки и проведения полевого этапа исследования являлось понятие «теоретической выборки», которое разработано Б. Глезером и А. Строссом⁶¹, и означает «отбор случаев (или индивидов) на основе их характеристик, отражающих определенный аспект разрабатываемой теории»⁶².

Специфика исследования изначально не предполагает построения репрезентативной выборки. Для группы «русское зарубежье» маркерами для выявления «теоретической выборки»⁶³ являлись во-первых, наличие факта миграции из Российской империи (в этом случае был достаточен факт миграции родителей или более ранних предков) и, во-вторых, знание русского языка и возможность общения с интервьюером на русском языке. Третьим признаком был возраст мигрантов - всем респондентам на момент интервью было более 18 лет. Для «новой миграции» маркерами для «теоретической выборки» являлись наличие факта миграции из СССР после 1990 г. или факт миграции из стран, образовавшихся после распада СССР. Вторым маркером являлось владение русским языком. Критериями для отбора респондентов первой группы, таким образом, являлись факт собственной миграции или же миграции прямых предков, а также знание русского языка. Критерием для отбора респондентов второй группы были факт переселения из России после 1993 года, и также знание русского языка. Также, как и в случае «русского зарубежья», респонденты указанной группы на момент проведения интервью были старше 18 лет. Блоки вопросов интервью являются результатом выделения маркеров культуры и применения теории коммуникации.

На первом этапе данного исследования было необходимо как можно больше узнать об исследуемом поле из всех доступных источников информации (при этом уточняются

⁶⁰ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию, М., 1998; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.

⁶¹ Glazer B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory. Chicago: Adline, 1967. См. тж.: Измайлова Т.В. Выборка в качественном социологическом исследовании как теоретико-методологическая проблема / Социологические методы в современной исследовательской практике: сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского [Электронный ресурс] / отв. ред. и вступит. ст. О.А. Оберемко; НИУ ВШЭ; РОС; ИС РАН. М.: НИУ ВШЭ, 2011

⁶² Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. Ин-т социологии РАН. М., 1998. С. 80

⁶³ см. напр. Дембицкий С. Стратегия сбора и анализа качественных данных при теоретической валидации // Социология: теория, методы, маркетинг 2010/2 апрель - июнь. С. 69

временные и пространственные рамки анализа). Поскольку группа относительно закрыта, то в рамках упомянутого социально-антропологического подхода необходимо было выбрать «первичного человека»⁶⁴ – носителя определенного человека-носителя культурных ценностей, знающего, находящегося в центре этой культурной практики, который может как можно больше рассказать об этом типе взаимодействия. Первичным пунктом поиска респондентов служил Мюнхенский приход РПЦЗ, поскольку участие в приходской жизни делало «своим», что было бы затруднительно или предполагало бы большие затраты времени при вхождении напрямую через культурные центры, государственные органы или коммерческие структуры. На этом этапе был разработан и апробирован инструментарий для исследования. Второй (полевой) этап исследования выполнялся в 2009-2013 гг.; поиск респондентов осуществлялся методом «снежного кома» согласно заданным маркерам теоретической выборки. Интервью было тематически структурированным и методически предусматривало несколько базовых тем, на основании которых строилась беседа. Третий этап включал в себя анализ транскрибированных интервью с учетом вышеизложенных теоретических подходов.

Эмпирической базой диссертационного исследования являются 75 тематически-структурированных интервью с потомками первой, участниками и потомками второй, третьей и четвертой волн эмиграции, проживающими в Аугсбурге и Мюнхене и их пригородах, проведенные с 2008 по 2013 гг.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- Мигранты обеих групп при разной мотивации уделяют внимание сохранению языка. Для мигрантов «русского зарубежья» значимую роль играет идея возвращения и религиозный фактор. Для современных русскоязычных мигрантов сохранение русского языка чаще всего рассматривается как дополнительная возможность реализации в профессиональном аспекте.

- В коммуникативном поведении новых мигрантов значимую роль играют сети контактов, включающие страну исхода. Основное отличие сетей связей современного русскоязычного пространства от «русского зарубежья» заключается в отсутствии контактов со страной исхода у последней группы.

- На формирование коммуникативного поведения мигрантов «русского зарубежья» большое влияние оказала Русская Православная Церковь Заграницей.

- Мигранты «новой волны» воспринимают государство пребывания как недружественное. В поведении мигрантов «русского зарубежья» не отмечается перенос отношения к государству страны исхода к государственным органам страны пребывания. Государство переселения представители «русского зарубежья» не воспринимается ими как враждебное

⁶⁴ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. Ин-т социологии РАН. М., 1998, с. 40

- Среди различных групп мигрантов отсутствует группа, которая выступала бы «экспертом» для других групп при контактах с населением страны пребывания. В наибольшей степени роль посредника может относиться к представителям группы «русское зарубежье», однако контакты новоприбывающих мигрантов с представителями данной группы протекают не часто, ввиду относительной малочисленности указанной группы, а также того факта, что в институтах, где возможна их встреча для решения проблем в стране пребывания, сталкиваются разные поколения.

Положения, выносимые на защиту:

- Мигранты обеих групп при разной мотивации уделяют внимание сохранению языка. Для мигрантов «русского зарубежья» значимую роль здесь играет идея возвращения и религиозный фактор. Для современных русскоязычных мигрантов сохранение русского языка чаще всего рассматривается как дополнительная возможность реализации в профессиональном аспекте.

- В коммуникативном поведении новых мигрантов значимую роль играют сети контактов, включающие страну исхода. Основное отличие сетей связей современного русскоязычного пространства от «русского зарубежья» заключается в отсутствии контактов со страной исхода у последней группы.

- На формирование коммуникативного поведения мигрантов «русского зарубежья» большое влияние оказала РПЦЗ.

- Мигранты «новой волны» воспринимают государство пребывания как недружественное. В поведении мигрантов «русского зарубежья» не отмечается перенос отношения к государству страны исхода к государственным органам страны пребывания. Государство, в котором проживают представители «русского зарубежья» не воспринимается ими как враждебное

- Среди различных групп мигрантов отсутствует группа, которая выступала бы «экспертом» для других групп при контактах с населением страны пребывания. В наибольшей степени роль посредника может относиться к представителям группы «русское зарубежье», однако контакты новоприбывающих мигрантов с представителями данной группы протекают не часто, ввиду относительной малочисленности указанной группы, а также того факта, что в институтах, где возможна их встреча для решения проблем в стране пребывания, сталкиваются разные поколения.

Апробация положений диссертационного исследования.

Основные положения, результаты исследования докладывались на международном научном семинаре «Диаспоры, этнические меньшинства или иммигранты? (Трансформации на постсоветском пространстве)» (15 декабря 2010 года, г. Москва, Россия), в секции «Социология» на международной научно-практической конференции «Современное общество: взгляд изнутри». (5-6 февраля 2012 г., Санкт-Петербург, Россия), на международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация

мигрантов в современном мире», (24-25 февраля 2012 года, г. Пенза, Россия). Отдельные аспекты исследования были представлены на докторантских коллоквиумах в Мюнхенском университете Людвиг-Максимилиана (Германия), на кафедре социологии и философии Калужского государственного университета. Диссертационное исследование обсуждалось на заседании Центра исследования межнациональных отношений Института Социологии РАН и затем на межцентровом заседании в ИС РАН. По теме диссертации автором опубликовано в научных журналах тринадцать статей (девять из них в журналах списка ВАК), также три статьи были опубликованы в сборниках материалов научных конференций. Работа «Роль диаспоры в формировании имиджа России за рубежом» является лауреатом всероссийского конкурса научных работ фонда «Государственный клуб». Работа «Религиозные праздники россиян в условиях диаспоры (на примере мигрантов из России в Германии)» является лауреатом конкурса исследовательских работ молодых учёных «Вера и религия в современной России» исследовательской службы «Среда».

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в выявлении и анализе основных характеристик коммуникативных пространств мигрантов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки единых исследовательских подходов к изучению миграций с территории бывшего СССР в страны Европы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы, могут выступать научной основой при разработке государственными органами политики работы с соотечественниками, проживающими за рубежом и политики дипломатических представительств России. Результаты исследования могут быть использованы профильными департаментами МИД России. Проанализированный в работе опыт ФРГ по приему этнических немцев, евреев и иных групп мигрантов из стран бывшего Советского Союза представляет интерес с точки зрения выстраивания миграционной политики России, в частности при приеме русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья.

Структура диссертации. Данная работа состоит из введения, двух глав (теоретической и практической), заключения, библиографии и двух приложений. В приложении «А» приведены таблицы и графики, иллюстрирующие предложенный статистический материал. Основным инструментом исследования – тематические блоки вопросов интервью – приведен в приложении «Б». В приложении «В» представлены транскрипты некоторых интервью.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, определены объект и предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, указаны теоретико-методологическая основа исследования, методы исследования, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приведены основные положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Методологические основы исследования» автор рассматривает основные теоретические понятия (миграционные волны, миграционные сообщества русскоязычных, этничность, культура, диаспора, транснационализм, коммуникация, коммуникативное пространство) необходимые для проведения исследования.

При исследовании миграционных потоков с территории стран бывшего СССР, Советского Союза и Российской империи выделяются несколько исходов, причины и особенности протекания которых далеко не тождественны. При этом довольно четко выделяются масштабностью и временными рамками «всплески» эмиграционных исходов, вызванные событиями, связанными со становлением, особенностью политики и распадом Советского Союза. Такие исходы часто именуется «волнами» миграции. Указанные особенности миграционных исходов – массовость и ограниченные временные рамки – позволяют предполагать возникновение в странах Европы общин мигрантов.

Первая волна миграции связана с российскими политическими событиями 1917 года, Гражданской войной и первыми акциями новой власти. В подавляющем большинстве случаев речь идет о носителях «досоветской» культуры Российской империи. При этом, можно сказать, что мигрировали носители культуры, еще не имевшей иных «примесей», что отличает данную группу от всех последующих⁶⁵. За периодом интенсивной миграции границы СССР стали стремительно утрачивать какую бы то ни было проницаемость⁶⁶. После периода закрытости последовал новый исход мигрантов за границы СССР в ходе Второй мировой войны, когда за пределами СССР оказалось 0,5 млн.⁶⁷ – 10,0 млн.⁶⁸ человек, уклонившихся от репатриации на родину. Чередование периодов закрытости и массовых исходов позволяют употреблять при описании данных периодов миграции термин «волна», которое получило широкое распространение в научной литературе и терминологически устоялось. Идея необходимости перемен в стране, с учётом того факта, что возвращение при существовании имеющегося строя невозможно, объединяла. Мигранты указанного периода пережили последствия усилий правительства Советского Союза по насильственной репатриации мигрантов. Неприятие политической системы советского государства, при наличии идеи хранения культуры страны исхода для её возвращения⁶⁹, является важным фактором сближения двух волн, тем более что данное неприятие в обоих случаях носило вооруженный характер и закончилось поражением.

⁶⁵ См. Попков В.Д. Эмиграция из Российской империи Советского Союза в Европу: сравнительный анализ. [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии [Интернет-портал]. URL: <http://www.jourssa.ru/2007/3/7aPopkov.pdf> (дата обращения: 20.03.2011)

⁶⁶ Соколов М. Четыре волны. 1999 [Электронный ресурс] // «Русский Архипелаг» сетевой проект «Русского мира» [Интернет-портал]. URL: http://www.archipelag.ru/gu_mir/volni/hrono_getro/4wave/ (дата обращения: 10.03.2011)

⁶⁷ Полян П.М. Советские граждане в Рейхе: сколько их было? 2002 [Электронный ресурс] //Федеральный образовательный портал - Экономика. Социология. Менеджмент [Интернет-портал]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/273/414/1216/009.POLIAN.pdf> (дата обращения: 20.03.2011)

⁶⁸ Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции: Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12

⁶⁹ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1, Москва: «Родник», 1994. С. 13. Казанцев А.С. Третья сила. История одной попытки. Франкфурт-на-Майне, 1952

Условно выделяемая третья волна миграционного исхода из Советского Союза охватывает период холодной войны. Миграция указанного периода называется «русской» уже с долей условности, поскольку объединяет людей разной этнической принадлежности⁷⁰. Динамика развития страны исхода и этническая разнородность эмигрантов не позволяют объединить их в единую группу или подгруппу. Размытость миграции указанного периода в географическом и временном планах и, соответственно, частичное включение в более ранние или более поздние исходы, а также частичное растворение в среде страны пребывания послужили причиной исключения данной группы из исследуемого массива мигрантов.

Для стран Европы важную роль в новейший период сыграли события, связанные с либерализацией миграционной политики стран социалистического лагеря, а затем и распадом Советского Союза. В СССР в 1991 году был принят и уже в Российской Федерации в 1993 году вступил в силу закон «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», снявший все ограничения на выезд за границу. Такая трансформация системы послужила причиной массового переселения населения стран бывшего СССР в страны Западной Европы, что привело к существенному росту русскоязычного населения в этом регионе. Термин волна вполне обоснован при описании данного исхода ввиду массовости исхода; так, например, только за период с 1990 по 2000 г. из России выехало примерно 1,1 миллиона человек⁷¹. В Германии «в короткое время искусственно образуется отличная в культурном отношении от принимающего населения значительная по численности группа, формирующая особое коммуникационное русскоязычное пространство и имеющая доступ к основным социальным благам немецкого общества»⁷². Языком повседневного общения указанных мигрантов в подавляющем большинстве случаев является русский: ввиду этой особенности указанных мигрантов, к ним применим и термин «русскоязычные». Значимым является и то обстоятельство, что представители местного населения воспринимают их скорее как русских из СССР⁷³. Общим для всех представителей данной волны является то, что основные этапы социализации были пройдены в системе (пост)советского строя. Таким образом, группа четвёртой волны миграции разнопланова, но при этом культурно достаточно едина⁷⁴. Фокус исследования, таким образом, сконцентрирован на двух целевых группах: во-первых, это мигранты первого и второго исходов, и, во-вторых, мигранты четвертого исхода,

⁷⁰ Heitman S. The Third Soviet Emigration: Jewish, German and Armenian Emigration from the USSR since World War II. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 21– 1987. Köln. 1987 [Electronic resource] // The York University Libraries [Official website]. URL: <http://pi.library.yorku.ca/ojs/index.php/refuge/article/view/21717/20387> (дата обращения: 13.10.2010)

⁷¹ Ахиезер А.С. Эмиграция как индикатор состояния российского общества. 2004 [Электронный ресурс] // «Русский Архипелаг» сетевой проект «Русского мира» [Интернет-портал]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/hrono_retro/indication/ (дата обращения: 10.03.2011)

⁷² Попков В.Д. Эмиграция из Российской империи Советского Союза в Европу: сравнительный анализ. 2007 [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии [Интернет-портал]. URL: <http://www.jourssa.ru/2007/3/7aПопков.pdf> (дата обращения: 20.03.2011)

⁷³ Ingenhorst H. Die Rußlanddeutschen. Aussiedler zwischen Tradition und Moderne (Campus Forschung). Frankfurt/Main: Campus-Verlag, 1997. С. 10.

⁷⁴ Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье. 2004 [Электронный ресурс] // «Русский Архипелаг» сетевой проект «Русского мира» [Интернет-портал]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/4volna/out-migration/ (дата обращения: 10.03.2011). Попков В.Д. Эмиграция из Российской империи Советского Союза в Европу: сравнительный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии 2007. Том X. № 3. С. 54

что связано с фактом массового переселения обеих групп и ограниченной по времени миграции, что привело к возникновению относительно устойчивых в культурном смысле общин, возникших в результате указанных миграционных «всплесков».

Ввиду наличия этнического фактора в переселенческих программах Германии, важно было определить применяемое в работе понятие этничности. В подходах к пониманию этничности можно выделить три основных направления: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Автор приводит в исследовании особенности каждого подхода и делает вывод, что для исследования наиболее уместным представляется использование конструктивистского подхода. Указанный подход особенно важен, поскольку русскоязычные группы мигрантов рассматриваются не как этнические, а как культурные группы, имеющие свои границы. Исследования Ф. Барта показали, что именно усилия групп по поддержанию своих этнических границ ведут к тому, что те культурные различия, которые воспринимаются как значимые, могут закрепиться в качестве критериев этнической (культурной) дифференциации и широко используются в повседневной практике. В исследовании, таким образом, рассматривает выделенные группы, которые в рамках конструктивистского подхода определяются фактом самоотнесения на базе культурной идентичности.

Для целей исследования было необходимо рассмотреть подход к пониманию диаспоры и транснациональных сообществ мигрантов. Под диаспорой в данной работе понимается «культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связей, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине... Это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность»⁷⁵. «Русское зарубежье» понимается нами как диаспорная группа, поскольку по основным критериям удовлетворяет определению диаспор: расселение из одного центра в два или более региона, общая коллективная память о стране исхода и о ее мифологизация, ощущение своей чужеродности в принимающей стране, стойкая самоидентификация со страной происхождения и чувство групповой сплоченности, миф о возвращении и другие.

Культура понимается в данном исследовании как «система поведенческих ориентаций»⁷⁶, что, в целом, близко к подходу А. Ж. Деверё, который определяет этничность как «нечто, относящееся к поведению»⁷⁷. По мнению Херсковица М., культура включает в себя и поведение, и способ мышления, которые достаточно стабильны и не исчезают при воздействии иной модели культурного развития⁷⁸. Понятие культуры операционализируется исходя из методологического принципа Э. Т. Холла о тождестве культуры и коммуникации.

⁷⁵ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 22

⁷⁶ Thomas A. Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns. // Thomas Alexander (Hg.): Kulturvergleichende Psychologie. Göttingen, Hogrefe, 1993. S. 380

⁷⁷ Лурье С.В. Историческая этнология [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер [Интернет-портал]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/49.php (дата обращения: 10.05.2012)

⁷⁸ Herskovits M. Cultural Anthropology. N.Y., 1955

Любой субъект коммуникации является отправителем и получателем сообщения не последовательно, а одновременно, и любой коммуникативный процесс включает в себя, помимо настоящего (конкретной ситуации общения), и прошлое (пережитый опыт), а также проецируется в будущее. Исходя из этих положений, в исследовании делаются попытки проанализировать, как коммуникативные установки принятые в прошлом, влияют на их проявление в настоящем и будущем. Под коммуникативным пространством в данной работе понимается информационное пространство, где «в случае коммуникации речь уже идет о двустороннем процессе, где и генератор и получатель информации обладают активными, формирующими эту коммуникацию ролями»⁷⁹. Важно для целей исследования и разрабатываемое Пирсом Б. положение, что социальные смыслы создаются в процессе коммуникации⁸⁰. Коммуникация является социальным процессом сотворения, сохранения и преобразования социальных реальностей. Коммуникация, таким образом, это не просто процесс обмена информацией, но и процесс создания некой общности, в котором осмысливается информация и где мы соотносим наши смыслы со смыслами наших коммуникативных партнеров, создавая определенную степень взаимопонимания. Коммуникация есть «состояние человеческого бытия, способ человеческого существования, социальный процесс, в котором мы, его неизбежные участники, совместно создаем, воспроизводим и преобразуем наши социальные миры, качества нашего существования»⁸¹

В главе 2 «Особенности коммуникативного поведения групп мигрантов» приведены результаты полевого исследования в Баварии. В первой части данной главы дается описание объекта исследования. Как было указано выше, для проведения исследования объект был разделен на две части, соотносимые с историческими волнам миграции. Первую группу, обозначаемую в работе как «русское зарубежье», образуют представители первой и второй волн миграции, покинувшие страну в период после событий 1917 года, Второй мировой войны, а также потомки мигрантов, выехавших из России и родившиеся уже в Германии. Из обозначенной выше первой группы было опрошено 26 человека: 17 женщин девять мужчин. 11 человек из данной группы относятся к категории «мигранты в первом поколении», остальные являются потомками мигрантов, то есть по определению статистических ведомств Германии имеют «миграционный фон»⁸². Возраст опрошенных мигрантов первого поколения находится в пределах 75-91 год, возраст потомков мигрантов в указанной группе составляет 20-65 лет. Все респонденты имеют (или имели) семьи. Шесть мигрантов первой и второй волны имеют высшее образование. Все респонденты принадлежат к Русской Православной Церкви. Все опрошенные данной группы имеют гражданство страны

⁷⁹ Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.; Ваклер, 2001. С.295,296

⁸⁰ Pearce W. B. and Pearce K. Extending the Theory of the Coordinated Management of Meaning («CMM») Through a Community Dialogue Process. Communication Theory, Vol. 10, 2000

⁸¹ Громова В. М. Современные социальные подходы в коммуникации // Вестник УдГУ. Сер. Филологические науки. 2005

⁸² Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2005. 4. Mai 2007 [Elektronische Ressource] // Statistisches Bundesamt Deutschland. [Official Website]. URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/Migrationshintergrund2010220057004.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 28. 05.2008)

пребывания и/или гражданство третьих стран (четыре человека являлись гражданами США, три человека имели гражданство Аргентины, два человека имели гражданство Франции, один человек имел гражданство Италии). Лишь один респондент имел гражданство России. При этом все респонденты данной группы либо родились в стране пребывания и всю жизнь в ней проживают, либо живут в Германии более двадцати лет.

Основной особенностью данной группы мигрантов «новая волна» является то обстоятельство, что все они прошли основные этапы своей социализации в рамках советской системы. Наличие знания русского языка также является необходимым условием принадлежности к группе – интервью проводилось на русском языке. Из группы «новых» мигрантов было опрошено 49 человек: 22 мужчины и 27 женщин. В отличие от представителей «русского зарубежья» респонденты данной группы уже в 22 случаях имеют гражданство страны исхода, в 10 случаях речь идет о двойном гражданстве. Примерно половина респондентов (26 человек) имеют высшее образование.

Во второй части второй главы представлены описание и анализ особенностей формирования и функционирования коммуникативного поведения мигрантов различных групп. **Роль страны приема** в формировании поведения групп была различной. Если в период первой и второй волны основными причинами миграции являлись события в стране исхода (в Российской империи, а позднее в СССР), то в период четвертой волны переселение определяется программами страны приема. Различный контекст: сочетание ситуаций в стране исхода и в стране переселения определило формирование различных первых впечатлений о стране. Для мигрантов «русского зарубежья» переселение в Германию явилось, скорее, поиском безопасности. При этом знания о стране или отсутствовали, или устарели. Следует отметить и роль пропаганды, как в стране исхода, так и в стране пребывания. После либерализации миграционной политики, вызванной процессами Перестройки и распада советской системы, программы страны исхода становятся основным фактором формирования групп мигрантов. Если представители первой исследуемой группы оказались вне пределов страны исхода, в общем, «случайно», то в случае мигрантов второй группы за небольшим исключением речь идет уже о планируемой миграции с затратой для этой цели времени и сил. Наличие периода потенциальной миграции у переселенцев четвертой волны предполагает уже более значимую динамику трансформации образа страны пребывания — ожидания, первые впечатления, последующие впечатления. Однако, как и в случае миграции «русского зарубежья», не отмечено высоких ожиданий от переезда в иную страну. Положительное восприятие образа страны и отношение к системе культуры страны накладывалось на то обстоятельство, что многие мигранты данной группы уезжали, ввиду экономических проблем и нестабильной политико-экономической обстановки. Если в случае миграции советского периода большинство уезжало из страны, понимая, что возвращение уже практически невозможно, то для исследуемой второй группы теоретически существовала возможность возвращения в страну исхода, контактов с ней, при всех ограничениях. Таким образом, становление коммуникационных навыков для мигрантов

«новой волны» характеризуется наличием доступа к моделям коммуникации в стране исхода. С одной стороны, такая ситуация позволяет с большей уверенностью сохранять особенности коммуникации и соотносить их с принятыми в стране исхода; с другой стороны, наличие потенциальной постоянной возможности возвращения может уменьшать готовность работать над сохранением своей «изначальной» культуры. Следует отметить, что миграция происходила при миграционной привлекательности страны пребывания и возможного предварительного знакомства с ней.

Восприятие своей культуры как положительной ценности предполагает наличие цели сохранения этнического самосознания и передачи его следующим поколениям. При этом для «старой эмиграции» является важным передать именно *вывезенную ими культуру*, сохраненную от последствий пребывания в системе советского строя. Данная цель предполагает и **сохранение языка** страны происхождения. Сохранение языка страны исхода обозначается представителями «русского зарубежья» как необходимое средство общения при посещении и в случае возвращения в страну исхода, поэтому сохранению русского языка уделяется особое внимание. Мигранты «русского зарубежья» отмечают слабые навыки русского языка у мигрантов более поздних исходов, а также потерю языка мигрантами «русского зарубежья» третьего и последующего поколений. Причиной потери языка, с одной стороны, является немногочисленность контактов, с другой стороны, ослабление мотивации политической борьбы после распада Советского Союза. Значимую роль здесь играет и фактор религиозный: респонденты группы «русского зарубежья» отмечают, что сохранение православия является более трудной задачей при осложнении общения с русской средой (в частности других узлов диаспоры), при недостатке доступа к литературе на русском и церковнославянском языках. Для мигрантов «новой волны» сохранение русского языка чаще является дополнительной возможностью реализации в профессиональной жизни. Внутри массива «новой волны» существуют, с одной стороны, мигранты, для которых ввиду возрастных и иных обстоятельств освоение немецкого языка представляется проблематичным, с другой стороны, мигранты, в которых представители местного населения не замечают «инаковости» ввиду полноты владения языком страны пребывания.

На формирование поведения мигрантов накладывает отпечаток и различное **восприятие государства**. Так, у мигрантов «новой волны» настороженное отношение к государству исхода часто так же переносится на государство приема. Государство воспринимается, в целом, как репрессивный аппарат, но, если знать его правила игры, то можно добиваться своих целей. У мигрантов «русского зарубежья» указанный перенос отношения к государству страны исхода к государственным органам страны пребывания не отмечается. Наблюдается интерес к ситуации в современной Российской Федерации; в общении с соседями мигранты «русского зарубежья» иногда воспринимают себя как представители России. Государство, в котором живут эти мигранты, не воспринимается ими как враждебное. Показательно в этом смысле отношение к полиции: если для мигранта

четвертой волны страж правопорядка ассоциируется скорее с угрозой, с негативными переживаниями, то для «старой миграции» это однозначно защитник.

Третья часть второй главы исследования и посвящена ритуальной организации жизни мигрантов – **праздникам**. При анализе праздников «русского зарубежья» заметными являются длительное сохранение, консервация в культуре таких элементов, которые в стране исхода либо исчезли, либо трансформировались. Отличия поведения групп мигрантов наблюдаются и в сфере обрядов, связанных с рождением ребенка, вступления в брак, поминовения умерших. Одним из наиболее значимых праздников в Баварии является день Рождества Христова, который отмечается в данном регионе 25 декабря, но респонденты обеих групп заявляют, что днем праздника считают седьмое января. Для респондентов группы «новая волна», однако, более значимым зимним праздником является Новый год. Празднование Масленицы знакомо и, в целом, отмечается мигрантами обеих групп, но организационно-ритуальная сторона празднования несет элементы отличия. Для мигрантов «русского зарубежья» основой системы ценностей является культура, основанная на принадлежности к Церкви при значительной роли традиций дореволюционной России. У мигрантов «новой волны» наблюдается более свободное отношение к ритуалу при меньших знаниях о культуре, основанной на православии. Представленный материал описания религиозных праздников дает возможность увидеть различия в системах ценностей различных групп мигрантов.

Для представителей группы «русскоязычного пространства», в целом, скорее важны праздники эпохи СССР. В последние годы, одним из наиболее заметных символов государственного праздника эпохи СССР, Дня Победы, является «Георгиевская ленточка». Получила распространение и лента, имеющая цвета флага России, при этом последняя является более популярной среди мигрантов «русского зарубежья», первая же не воспринимается ими столь однозначно, как в среде новых мигрантов. Символы данного исторического события понятны всем представителям «новой волны», воспринимаются как положительные и используются, в том числе, и в коммерческих структурах. При интервьюировании представителя «русского зарубежья» вопрос о значимости празднования 9-го мая был встречен удивлением и вопросом: «А разве мы советские?», что показывает отношение к этому дню, как к «советскому» празднику.

Важной особенностью в этой связи является и существующая общая идентификация с современной Россией. Как представители «русского зарубежья», так и более поздние переселенцы связывают себя со страной и культурой страны исхода. Появление конкуренции на данном поле, возможно, приведет к еще более глубокому разделению с подчеркиванием отличающихся черт коммуникативного поведения.

Построение **контактов мигранта в рамках различных институтов** иной культуры имеет свои особенности, которым в работе посвящена отдельная глава. В дошкольном возрасте человек адаптируется в новую систему практически безболезненно. Приятие существующей в стране пребывания модели коммуникации, построение контактов с

представителями страны пребывания происходит легко, и ребёнок чаще всего стоит перед дилеммой «интеграция – ассимиляция». При миграции в школьном возрасте адаптивные возможности достижимы с меньшей вероятностью и контакты с представителями местного населения наиболее проблематичны: часто наблюдаемой является дихотомия «интеграция – маргинализация». Мигранты во втором поколении или прибывшие в раннем детстве не отмечают столь ярко выраженных проблем при построении контактов. Заметно, что мигранты подросткового возраста часто организуют собственные кружки по интересам. Наиболее часто встречающейся стратегией установления контактов студентов обеих групп будет сочетание направленности на поддержание контактов с иными русскоязычными и интерес к представителям принимающей культуры. Работа специалиста в большинстве случаев связана именно с высокой степенью соответствия интеллектуального уровня мигранта и принимающего общества. Кроме того, с переселенцем-специалистом обычно приезжают и члены семьи, которые могут по-разному реагировать на новые условия жизни, на новую культуру. Указанные особенности будут скорее соответствовать и работнику неквалифицированного труда, получившему соответствующую должность. В случае непризнания образования человек попадает в условия, когда построение контактов сопряжено с множеством трудностей. Вероятность успешных контактов с представителями страны пребывания заметно снижается. Пожилые люди ввиду особенностей возраста реже идут на новые контакты с представителями иной культуры, и остаются чаще всего в кругу своих соотечественников.

Отдельный параграф второй главы посвящен исследованию **внутренних структур указанных групп** русскоязычных мигрантов. Основным стержнем, организующим «русское зарубежье» является церковно-приходская структура РПЦЗ. В частности, респонденты указанной группы в качестве заметных лиц внутри группы, на которых замыкается множество контактов, называют священнослужителей. Вокруг прихода образуются социальные институты: школа, центр детского творчества и другие. Организационно церковная структура до 2007 года представляла собой сосуществование независимых друг от друга «Русской Православной Церкви Заграницей» и «Русской Православной Церкви Московского Патриархата». Контакты между мигрантами поддерживаются через ежегодный съезд православной общественности, организуемый кафедральным собором РПЦЗ города Мюнхена. Контакту между группами способствуют также доклады и музыкальные выступления в Толстовской библиотеке города Мюнхена или культурного общества «Мир», слеты скаутских групп.

Возникновение экономической инфраструктуры в форме магазинов, как особо отмечается представителями «русского зарубежья», связано именно с группой мигрантов «новая волна», прибывшими в недавнее время. Существование данных магазинов, по словам одного из их владельцев делает для мигрантов доступными товары, продающиеся в стране исхода. Возникновение указанной сети коммерческих учреждений стало возможным после открытия границ для движения товаров и услуг. Данная сеть коммуникаций позволяет

говорить о продолжении практики коммуникативного поведения, усвоенной в стране исхода, в частности, в сфере пищевых предпочтений. Кроме того, происходит передача опыта страны исхода через продаваемые в данных магазинах книги и газеты. Таким образом, происходит передача символического опыта, как «накопления значений», отличного от существующего в стране пребывания. Значимую роль играет представительская функция – мигранты среди знакомых местного населения рекламируют свои кулинарные способности или привычки, а с появлением «русских магазинов» начинают покупать специфические продукты, чтобы знакомить представителей местного населения с культурными особенностями страны исхода. Такая особенность использования наблюдалась у представителей всех групп мигрантов.

Значимую роль в группе «новая волна» играют школы русского языка. Интересно отметить, что понимание функции таких школ в целом отличается от школ представителей «русского зарубежья», как видно при их сопоставлении. Как уже отмечалось, у представителей «старой эмиграции» возникновение школ чаще связывалось с возможностью сохранения русского языка и культуры у последующего поколения для сохранения себя и возвращения. Представители всех групп упоминают как значимую организацию «МИР», которая существует в Мюнхене уже более 20 лет и активно поддерживается Баварским министерством культуры. Постепенно данную организацию все больше поддерживает консульство РФ, поскольку именно данная организация на данный момент представляет современную российскую культуру. Членами данной организации являются мигранты разных групп и представители местного населения.

В заключении подводятся основные выводы диссертационного исследования.

Одним из важных символов группы «русское зарубежье» является русский язык. Язык страны исхода в данной группе рассматривается, в целом, как часть идентичности, важная для поддержания преемственности и передачи следующим поколениям, что подтверждает гипотезу об особой роли языка. Роль русского языка, как части идентичности в группе «новых мигрантов» не столь однозначна. Более всего русский язык здесь рассматривается как инструмент для карьерных устремлений и возможности получения преференций.

Важным символом «русского зарубежья» является православная этика при значительной роли традиций дореволюционной России. Представители «русского зарубежья», в основном, принадлежат к поколению, где была возможна передача тех культурных моделей поведения, на становление которых наложил отпечаток строй жизни до того, как начались гонения на церковь, как социальный институт. При этом речь идет именно об образцах поведения, а не о религиозности (аскетике, духовной жизни).

Для мигрантов «русского зарубежья» характерно отсутствие желания реинтеграции в страну исхода. Тем более что все опрошенные имеют гражданство страны пребывания или гражданство третьих стран. Получение российского гражданства для подавляющего большинства респондентов не стоит на повестке дня.

Важно отметить отсутствие подгруппы, которая выступает «экспертом» для других (под)групп при контактах с населением страны пребывания. В наибольшей степени роль посредника может относиться к представителям группы «русское зарубежье», однако контакты новоприбывших мигрантов с представителями данной группы случаются редко, ввиду относительной малочисленности указанной группы, а также в связи с тем фактом, что в институтах, где возможна их встреча для решения проблем в стране пребывания, сталкиваются разные поколения. Тут надо отметить, что гипотеза о том, что представители «русского зарубежья» выступают как посредники в диалоге представителей культур страны пребывания и страны исхода, не подтвердилась. Некоторые респонденты действительно выполняют такую функцию, но это, скорее, единичные случаи.

В исследовании проанализированы различия символических и ритуальных полей указанных групп мигрантов. В частности, если говорить о праздниках, то данный этап осуществления традиционно-ритуальной регуляции актуализирует скорее разделение, нежели сплочение русскоязычных групп. Например, новогодние ритуалы двух исследуемых групп частично пересекаются; еще больше пересекаются поля значений праздника Рождества, но ритуалы Дня Победы уже скорее разделяют указанные группы, что подтверждает гипотезу о различии оценки исторических событий представителями групп «русского зарубежья» и «русскоязычного пространства».

В исследовании была описана роль внутренних организаций в построении повседневного поведения мигрантов. Основными структурами «старой эмиграции» являются приходы РПЦЗ, выступающие как «представительства» русской культуры. На определенном этапе важным фактором, структурирующим поведение «старой эмиграции», являлись политические организации, в особенности НТС (народно-трудовой союз). Интересно отметить, что процессы возрождения церковной жизни в России и увеличение интереса к русской дореволюционной культуре создают ситуацию, когда более удаленные друг от друга по времени эмиграции группы могут оказаться культурно более близкими. Таким образом, открытие границ и движение мигрантов приводит к тому, что начинает возникать общее трансграничное культурное пространство; данное явление относительно новое. Показателем трансграничного пространства является и наличие коммерческой инфраструктуры, позволяющей потреблять в стране пребывания те же товары, что и в стране исхода.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора, объемом около 10,5 п.л.:

«Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК»

1) Базанов В.А. Роль диаспоры в политике России // Вестник МГИМО-Университета, 2011г. Т. 3. № 3(18) - С. 61-70. ISSN 2071-8160 (1 п.л.)

2) Базанов В.А. Диаспора как система // Вестник РУДН. Серия «Социология» №3, 2011 - С. 24-33. ISSN 1810-228X (0.8 п.л.)

3) Базанов В.А. Идентичности мигрантов первой второй и третьей волны из России (СССР) (на примере Германии) // Вестник РУДН. Серия «Социология» №2, 2012 - С. 65-74. ISSN 0869-8732 (0.8 п.л.)

4) Базанов В.А. Институционально-демографические факторы формирования коммуникативного поведения мигрантов дошкольного и школьного возраста. // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Серия «Общественные науки», № 28, Пенза 2012 - С. 29-34. ISSN 1999-7116 (0.75 п.л.)

5) Базанов В.А. Социально-исторические и культурные факторы формирования русскоязычных мигрантских сообществ (на примере Германии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, серия «Общественные и гуманитарные науки», №5, 2012 – С. 45-48. ISSN 1998-5053 (0.6 п.л.)

6) Базанов В.А. Институты Высшего и профессионального образования как институты аккультурации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2013. № 2. С. 86-91. ISSN 1998-9946 (0.8 п.л.)

7) Базанов В.А. Роль праздников в культурном пространстве русскоязычного населения (на примере Германии) // Вестник РУДН. Серия «Социология», №3, 2013 - С. 170-181. ISSN 1810-228X (0.8 п.л.)

8) Базанов В.А. Формирование культурных границ в пространстве российских мигрантов (на примере Германии) // Обсерватория культуры, №4, 2013 - С. 40-46. ISSN 2072-3156 (0.8 п.л.)

9) Базанов В.А. Языковые навыки переселенцев с территории России (СССР) в Германию // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, №4, 2013 - С. 84-94. ISSN 2072-3016 (0.6 п.л.)

10) Bazanov V.A. Interactions of the Russian State with Emigrant Communities // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9. №10. С. 2328-2341. ISSN 1997-1370 (1 п.л.)

«Прочие публикации»

11) Базанов В.А. Причины эмиграции бывших советских граждан из СНГ в Германию // Диаспоры, № 2, 2011 - С. 217-230. ISSN 1726-2887 (0.8 п.л.)

12) Базанов В.А. Институты передачи культуры (на примере мигрантов из России в Германию) // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Современное общество: взгляд изнутри». (5-6 февраля 2012 г. Санкт-Петербург). СПб.: ПетроПресс, 2012 - С. 31-34. ISBN 978-5-8430-0171-5 (0.33 п.л.)

13) Базанов В.А. Влияние институтов дошкольного воспитания и школы на формирование поведения мигрантов (на примере переселенцев в Германию) // Сборник трудов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-психологической адаптации мигрантов в современном мире» (24-25 февраля 2012

года, г. Пенза). Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012 - С. 50-58. ISBN 978-5-94321-247-5
(0.55 п.л.)